

ДНЕВНИК 1918—1923 гг.

Вступительная статья и публикация *А. М. Крюковой*

Этот дневник посвящен одному из самых сложных, «тяжелых», по позднейшему признанию писателя, периодов его жизни: он начинается с отъезда из Москвы — на Украину, в Одессу, а затем в Париж, в эмиграцию, охватывает годы пребывания за границей (в Париже, Берлине, Миздрое), а заканчивается возвращением Толстого с семьей на родину 1 августа 1923 г. Точные хронологические рамки дневника, обозначенные самим писателем, обуславливают его содержание, общую тональность и его значение для современного читателя: познавательное и художественно-эстетическое.

Выше мы обращали внимание на своеобразную композицию Дневника 1917—1936 гг., из которого как бы «выпал» целый период жизни писателя, нашедший отражение в публикуемом дневнике. Если в Дневнике 1917—1936 гг. была изначально задуманная двухчастность (Великая Октябрьская социалистическая революция и ее «результат», «взорванная» ею жизнь страны и его, писателя, собственная), то в дневнике периода эмиграции есть только одна исходная позиция: осознание противоестественности, нелогичности избранного пути и необходимости возвращения на родину. Это лейтмотив дневника, придающий ему идейную, смысловую и художественную цельность и законченность.

О противоестественности и негармоничности указанного этапа жизни Толстого свидетельствует особый, сатирический подтекст публикуемых дневниковых записей: писатель как бы отстраняется от происходящего вокруг него и с ним самим — отсюда ясно слышимый его смех при описании реальных событий, иногда смех «сквозь слезы», печальный, иногда — гротескный и уничижительный. Эта интонация — основная в Дневнике 1918—1923 гг.,

и ее легко почувствует читатель (в отличие от философски-раздумчивой интонации Дневника 1915—1917 гг. и напряженной, аналитически строгой интонации Дневника 1917—1936 гг.). Интонация Дневника 1918—1923 гг. существенна для выявления не только идейно-политической позиции писателя в те годы, но и особенностей его художнического мышления.

Еще в эмиграции Толстой задумал создать большое произведение, очевидно, роман, на основе тех жизненных впечатлений, которые он фиксировал в дневнике: сохранился план произведения, почти в точности воспроизводящий события, запечатленные в нем. Замысел этого произведения в литературе малоизвестен (кроме небольшого отрывка, который обычно приводится в комментариях к повести «Похождения Невзорова, или Ибикус»). Приведем план полностью:

«Нас интересует Запад, поскольку мы сами прямо или косвенно участвуем в его жизни.

Вот вам история небольшой, но чрезвычайно сложной человеческой ячейки, распылившейся по Европе.

Начало распыления — Одесса.

7-го апреля 19 года генерал д'Ансельм, командующий войсками интервенции, объявил эвакуацию Одессы в следующих выражениях: „Вследствие недостаточного подвоза питания (для) Одессы производится частичная разгрузка города“. А вчера еще в газетах было: „Наши войска неуклонно продвигаются... Ни в каком случае мы не намерены“ — и т. д.

Население прочло.

И покатилося в порт колесом. Стрельба. Вozy с багажом. Бандиты.

Все кверху ногами в гавань.

Плавающие сундуки.

Пар(оход) „Кавказ“. Население. Слои. Классы. Контрразведки. Спекулянты на сундуках. Монархический заговор. 12 дней.

Констан(тинопольская) баня.

Острова. Монастырь. Первые кабаре.

Хождение за визами.

3 месяца на панели.

Дельцы. Улицы Галаты. Тараканья бега.

Разбредаются по Европе. (Неаполь. Портрет Ленина. Революционная волна.)

Париж. Отношение к русским после Бреста.

Судьба корпуса.

Первые эмигранты. Парижское совещание.

Золотой поезд Колчака.

Повышение интереса к русским.

Бурцев. Ветлугин. Редакция „Общее дело“.

Вторая эвакуация. Земский Союз. Артели.

[Бани] Прачешные.

Цементные заводы.

Третья эвакуация.

Галиполи.

Дороговизна в Париже.

Слет в Берлине.

Газеты. 34 издательства.

Разложение партий, кроме монархической.

Убийство Набокова. (Подробно).

Владимировичи получают наследство. Они — до наследства.

Они — после.

Двор в Ницце. Выходы. Фрейлины.

Ненависть правых к интеллигенции, оставшейся в [Париже] России, к ученым, артистам.

Сведения о мужичках, о монархической агитации.

Воззвание императора Кирилла.

Бунин.

Мережковский.

(Пилсудский.

Смоленск.

Гр. Кантакузи.

Савинков)»¹.

Замысел произведения о «распылении» «человеческой ячейки» частично был реализован в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924) и в романе «Эмигранты» («Черное золото» 1931—1940), однако большого произведения с такой разветвленной, широкой панорамой событий Толстой все-таки не написал. Почему? Мы можем лишь высказать предположение о том, что жизненный материал, как он отложился в памяти Толстого, не давал выходов к реалистическим способам воспроизведения (а именно с таким «прицелом» был составлен приведенный план). Гораздо ближе творческому мироощущению Толстого в те годы оказалась сатирическая интонация в воссоздании перечисленных в плане романа фактов и событий, интонация, последовательно проведенная в Дневнике 1918—1923 гг., столь блестяще выраженная в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (написанной, заметим, буквально по горячим следам этих фактов и событий).

Кроме повести, материалы дневника были использованы в рассказах «На острове Халки» (1924), «Древний путь» (1927) и в названном выше романе «Эмигранты» (хотя роман, написанный в авантюрно-детективном жанре, оказался наименее близок по настроению, духу, общей направленности сюжетным линиям дневника). Рассказ «На острове Халки» воспроизводит один из сюжетов, услышанных Толстым во время странствий по Европе,— в дневнике он занимает несколько строчек, рассказ же расцвечен подробностями происшествия, случившегося с русским эмигрантом, и типичного в своей фантастичности и бессмысленности конца. А рассказ «Древний путь», написанный спустя почти десять лет после путешествия по Средиземному морю, несет в себе настроение мира и успокоения и в этом смысле также отличен от дневника.

Наиболее реальный творческий выход Дневник 1918—1923 гг. нашел все-таки в «Похождениях Невзорова...», единственном сатирическом произведении Толстого. Писатель «рассчитался» в нем со своим недавним прошлым и обратился затем к реалистическому, наиболее близкому ему классическому роману: возвратившись на родину, он переделал в 1925 г. первую часть романа «Хожение по мукам» и начал работу над его продолжением...

Какие же факты биографии Толстого нашли отражение в Дневнике 1918—1923 гг.?

«Осенью восемнадцатого года я с семьей уезжаю на Украину, зиму в Одессе,— писал Толстой в автобиографии.— Из Одессы уезжаю вместе в семьей в Париж» (1, 58).

Но что в таком случае означает дата в начале дневника — «Август 1918 г.»? В литературе о Толстом существуют разные точки зрения относительно времени его отъезда из Москвы на Украину: Ю. А. Крестинский, биограф писателя, считает, что это произошло в сентябре 1918 г.² (основанием для такого предположения служит упоминание имени Толстого в списке присутствовавших на организационном собрании Московского товарищества писателей, состоявшемся в Москве 16 сентября 1918 г.³); Ф. Ф. Крандиевский (Волькенштейн), член семьи Толстого, считает, что отъезд произошел значительно раньше: «Весной 1918 г. в Москве было голодно. А на Украине, говорят, продуктами хоть завались. Было решено ехать на лето всей семьей, состоящей из моего отчима — Алексея Николаевича Толстого, моей мамы — Наталии Васильевны Крандиевской, меня и моего полуторагодовалого брата Никиты с няней Юлией Ивановной на Украину»⁴; сама же Н. В. Крандиевская в подготовительных материалах к биографической хронике Толстого, сохранившихся в архиве писателя, указывает, что отъезд произошел недели через две после убийства в Москве посла Германии Мирбаха, т. е. после 6(20) июля 1918 г.⁵, и повторяет дату — июль 1918 г. — в своих воспоминаниях⁶.

Эту дату следует, очевидно, принять как наиболее достоверную, тем более что она подтверждается и дневниковыми записями Толстого: последние записи 1918 г. в Дневнике 1917—1936 гг., сделанные еще в Москве, датируются действительно июлем. «В это время (...) антрепренер Левидов вел переговоры с Толстым, предлагал концертное турне по Украине... На Украине было сытно, в Одессе соблазняли морское купанье и виноград,— вспоминает Н. В. Крандиевская.— Толстой уговаривал меня ехать с ним и забрать детей — использовать поездку как летний отдых»⁷. Она сообщает и маршрут поездки: «Москва, Орел, Курск, поездом до разъезда, подводами до Белгорода, поездом в Харьков, из Харькова в Киев, потом в Одессу»⁸.

Первоначально Толстой с семьей поселился в пансионате Люстдорф под Одессой, а затем в самом городе, на Пироговской улице, д. 3, кв. 95⁹. Отсюда Толстой совершил гастрольную поездку по южным городам Украины (в целях заработка). Он выступал с чтением своих новых произведений: сказки «Солдат и черт» и рассказа «Наваждение»; посетил города Елизаветград, Екатеринослав, Николаев, Херсон¹⁰. Из Одессы в начале апреля 1919 г. Толстой уехал в Париж.

Дата «Август 1918 г.», которая стоит на первой странице публикуемого дневника, означает, что вести его Толстой начал лишь в Одессе; отсюда ретроспективный характер ряда записей, хронологические и фактические несоответствия в них. Несмотря на аккуратный внешний вид (кожаная записная книжка с золотым тиснением), дневник по содержанию хаотичен, что выявляет тревожный настрой его автора. Так, запись «Бегство из Одессы» делалась, несомненно, позднее самого отъезда Толстого из Одессы, возможно, уже в пути, на пароходе «Кавказ»; можно предположить, что писатель восстанавливал ход событий по памяти или по каким-то отрывочным записям, которые переписал в дневник. Это подтверждается и графически: страницы с записями, озаглавленными «Август 1918 г.», «Из поездки на Украину»,

«Рассказ де-Лазари», «Бегство из Одессы» и далее вплоть до записи «Константинополь — Марсель», исписаны аккуратным почерком; а последующие записи делались, очевидно, по ходу событий, потому почерк у автора уже небрежный (и чернила разные).

Дневник не воспроизводит в точности последовательность событий: описание пути из Москвы перемежается записями о поездке на Украину («На Днепре к Херсону»), об Одессе («На Дерибасовской поссорились две цветочницы...»; «Спекулянтов, сидящих у Фанкони...»); запись «Из поездки на Украину» включает в себя также одесские впечатления; после записи «Миздрой» (Германия, 1922 г.) следует запись «Вспомнить. В Париже...» (1919—1921 гг.), которая словно подводит итог всему периоду скитаний, «хождений по мукам», или, как писал Толстой о замысле своего романа, «хождения совести автора по страданиям, надеждам, восторгам, падениям, унынию, взлетам...» (10, 570): «В Париже, в пансионе Тикум автомат — накрытый, огромный, пыльный стол. Садятся зрители. Появляются пыльные, искусственные кушанья. Люди — голодные. Тоска. Пыльные лампочки. Мертвые фрукты... Крашенные пуляры и т. д.». Так возникает образ времени, художественный эквивалент внутренней трагедии, пережитой Толстым: все ушло в подтекст в этой картине страданий, и только одно слово — «Тоска» — выдает личностный взгляд на нее. Но таково назначение дневника — выражать личность.

А заканчивается дневник небольшой записью из другой, нормальной жизни, которая для Толстого только еще начиналась: ребенок (Митя, сын) сидит «в кабинете на кресле», сидит *дома* — к этой записи Толстой позднее сделал приписку синим карандашом «Петроград. 23 г.».

Отдельные записи Дневника 1918—1923 гг. цитировались в книге Крестинского (с. 126—127); использованы в книге В. В. Петелина (ЖЗЛ, с. 146—147, 149, 151, 156—166). Дневник публикуется впервые, по подлиннику, поступившему в 1982 г. в ИМЛИ (ф. 43, оп. 2).

¹ ИМЛИ, ф. 43. Датируется предположительно 1922—1923 гг.

В плане романа, начиная с фразы «Париж. Отношение к русским», Толстой воспроизводит факты, имена лиц, проходивших по делу Б. В. Савинкова; судебный процесс состоялся в Москве 27—29 августа 1924 г. (см.: Дело Бориса Савинкова. М.: Рабочая Москва, 1924).

² См.: Крестинский, с. 123.

³ Протокол собрания. Автограф.— ИМЛИ, ф. 43, № 13850.

⁴ Воспоминания, с. 120.

⁵ Пометки Н. В. Крандиевской в тексте «Хроники жизни и деятельности Толстого», составленной Ю. А. Крестинским. 1946—1948 гг.— ИМЛИ, ф. 543, оп. 1.

⁶ См.: Воспоминания, с. 110.

⁷ Там же.

⁸ ИМЛИ, ф. 543, оп. 1.

⁹ Этот адрес Толстой называет в письмах из Одессы: А. Б. Дерману, 28 февр. 1919 г.— ГБЛ, ф. 356, карт. 3, ед. хр. 22; А. Соболю, 6. д.— ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, ед. хр. 93.

¹⁰ См.: Материалы к биографии Толстого, собранные Ю. А. Крестинским.— ИМЛИ, ф. 43, в. II.

Август 1918 г.

В вагоне еврейская девочка нянчит сопливого, с вытаращенными глазами, с веселым лицом ребенка: «Интеллигенточка моя».

В Елизаветграде на вокзале толкотня, лезут в вагоны. Низенький, толстый еврей бежит вдоль вагонов и восклицает низким, истерическим, библейским голосом: «Моисей! Моисей!»¹.

В теплушке. Бабы хотели избить старика за клевету. Он из угла, показывая зубы: «Не трогайте меня, я сумасшедший!».

К вечеру молоденькие девушки легли на брезенте, запели песни. Неяркая, мглистая луна. В темноте кто-то начал рассказывать историю.

В Люстдорфе. Хозяйка киоска: «Разве это яйцо? Бессарабское яйцо никуда не годится. Вот подольское яйцо — так яйцо. Подольские куры по шею в зерне ходят».

Утром в вагоне, проезжая Полтаву. В окне стоят два спекулянта, за ними кучи деревьев, черепичные крыши, поляны в тумане. Местами точно лес поднялся из тумана.

На Днестре к Херсону. Ночь, звезды. Тихая, пахнувшая полынью и сырой листвою вода, как черное зеркало. Кучи темных деревьев на заворотах реки, на островах. Огни костров. Как будто со страшной быстротой приблизилась минута, когда все это станет не земным, а воспоминанием, воскресшим воспоминанием.

В Люстдорфе ветреное и солнечное утро. Море казалось огромной впадиной, измятой, [свинцово] темной, со свинцовыми солнечными бликами на больших, беспорядочных волнах. Лодки на парусах проходили против солнца черные, зарывались в волны.

На Дерибасовской поссорились две цветочницы. Одна повернулась спиной, щиплет хризантему, другая со слезами: «Я больной человек, она не имеет права меня бить». Подошел вартовой. Поковырял в носу: «Ну, что же, идемте в участок». — «Зачем я пойду?» — «Не имеете права драться, идемте». — «Не пойдем»...

Спекулянтов, сидящих у Фанкони, называют «короли воздуха». Они продают и покупают — воздух, ничто...²

Из поездки на Украину

Орловская губерния. Огромные, волнистые поля, покрытые желтой рожью, еще зелеными яровыми; они вдалеке сливаются с небом; редким краем граничат с ним желтые ржи. Небо чистое, бледноватое. По буграм и увалам — пашни. Во всех направлениях двигаются по ним сохи и плужки. По меже, до половины утонув

во ржи, едет воз. Вдоль полотна бегут елочки. Иногда открывается извилистый овраг, березовая роща. На грязных, пустых, с выбитыми окнами станциях выбегают люди в туфлях, сонные, застегивая ворота, бегут за кипятком. На крышах вагонов — бабы, мужики. <...>

Рассказ де Лазари³

Поехал на концерт в Ялту. Заехал на один день в Севастополь. Ужин в гостинице. Открытая дверь на веранду. Мягкое, теплое море. Игра на гитаре. Романсы. Вино. Начали пить алаверды. Офицер-кавказец выстрелил в потолок. Вдалеке зароптала толпа. Оказывается, шел митинг матросов. Слышно, как отделилась группа матр<осов> и пошла к гостинице. Двое из офицеров спустились по водосточной трубе. Топот ног и голоса в коридоре. Де Лаз<ари> открывает дверь. Выстрел в лицо. Он прижал ко рту платок, побежал к умывальнику. Здесь его оглушили. Допрос во дворце. Дождается перед дверями. Выстрел, проносят труп. Перед судьями — все матросы, один офицер. Он, когда допрос поворачивался было благоприятно, сказал: «Я бы хотел знать ваше звание...» — «Солдат его величества». <2 нрзб.> <...>

Днепр

Прозрачный воздух. Ясно-голубые дали. Белые песчаные острова, низкие, точно ножом срезанные, берега. Лодочки рыбаков. Водяные мельницы. Розоватые облака, отраженные в воде. На пароходе большой мужик, — слепец, кривит рот, поет под гармонью про несчастного солдата. Ночью в дымных облаках — луна. На темном берегу песни, женский смех. Струи воды, скользящие вдоль песка, вдоль мглистых свай конторки.

У метр<дотеля> Жана

Обедают толстый старичок, с черными бровями и грустными глазами; с ним молоденькая женщина. Он пьет, как бы нехотя, неестественно. Окончив еду — выпил какую-то жидкость из пузырьчика. И все же его наклонило ко сну. Нюхал соль. Пальцы толстые, коротенькие, волосатые. Она много ела, гляделась в зеркальце, щебетала. <...>

Пьяный Главатский⁴ нес совершеннейшую чепуху, в которой только с большим трудом можно было разобрать смысл. Скрипел зубами. Ему — собесед<ник>:

— Пожалуйста, не скрипи на меня зубами.

Льстил и унижался, и тайно возносился сатанинским самолюбием. Ел цветы.

Когда женщина исчерпает все средства борьбы — у нее остается последнее, самое тяжелое оружие — жалость.

Теплый, солнечный день, над морем туман, очертания кораблей кажутся легкими. За молом, точно висит в воздухе, дредноут.

На площади у памятника⁵ — телеги с имуществом поляков-добровольцев. Рядом на Екатерининской — 2 мортиры в упряжке, на них выносят гроба убитых вчера германских офицеров. Праздничный народ глядит то на пушки, то идет к лестнице и ждет: с моря появятся союзники. Подходит большой пароход с военнопленными.

Разговор с извозчиком о мужицком восстании

«Он (помещик) три-четыре службы в городе имеет, захочет — все деньги в одну ночь проиграет в карты. А мы на него работай. А на что ему земля! Десять лет будем бунтовать, с голыми руками пойдем, ружья отнимем, свое возьмем. Это пока малые бунты, понемножку, а вот все крестьянство поднимется. Вот будет беда... (Засмеялся). Десять лет будем воевать».

Наташа видела, как по Франц<узскому> бульвару⁶ проехала подвода, в ней 10 человек, свесив ноги, оборванные, скучные, один сзади, грызет яблоко. На подводе — узлы, бутаф<ория>. Проехали воры.

В Берлине, в гостинице идет по коридору русский в старом, резиновом плаще.

— Ваня, а Ваня, ты куда?

— Вывески читать.

-- Погоди, и я с тобой. <...>

Был у Кошиц⁷. В грязной накуренной комнате 5 человек. Спит девочка. Хаос и грязь. Послали за пивом. Бриллиантовые кулоны. Офицеру с похмелья стало плохо.

Унылый маскарад в городском театре.

В клубе Меридионал француз танцует вальс. Русский офицер — вальс. Толстый князь — грузинку. Румын коровьим осипшим голосом под гитару поет национальную песню. Дама, раскосая от опьянения, спрашивает всех — о чем думаете⁸.

За стеной — какая-то пустяковая история у хозяев из-за 4-х рублей.

Он — плачущим голосом:

— Зачем ты меня мучаешь? Неужели тебе нравится меня мучить?

Она отвечает спокойно и упрямо и ясно, что ей именно мучить-то его и приятно. Старая история.

Случай с Фундомин<ским>, когда Раскольников обыскивал пароход и, глядя на приведенного к нему Фун<доминского>, долго смотрел ему в глаза и сказал хрипло: «Я его не знаю»⁹.

На вечере печати наглый мальчишка и офицер. Стремился что-то сказать на ухо. Совал под нос кольцо.

*Не забыть — описать когда-нибудь постановку пьесы Кузмина у Носовой*¹⁰. <...>

Студенческий бал. Осаждающая здание толпа. Внутри, в зале, в артистической — студенты с винтовками. Толпа шумная и невеселая. В киоске продают — зубные щетки, мыло, папиросы. Пьяный Юшкевич¹¹. Среди грязной, мрачной, вооруженной толпы несколько декольтированных барышень.

Арест налетчиков в кухне у Цетлиных¹².

Открыл форточку — ботан<ический> сад в лужах, освещенных луной. Весь темный. Теплый сырой ветерок пахнет землей и почками: смертью и воскресением — запах ранней весны.

<Вырезка из газеты>

«Приказ полковника Грекова.

«Черноморск<ий> Маяк» сообщает след<ующий> приказ по ростовскому-на-Дону градоначальству 25 января 1919 г., г. Ростов-на-Дону, № 31.

Гостиницы, меблированные комнаты! Поступает много жалоб на вас, некоторые завели не только клопов, тараканов, но и крыс, иные придумали тушить электричество в полночь, зная, что ни у кого нет ни свечей, ни керосина. И все только и знаете, что прибавляете цены на все. Клопов, крыс и т. п. никому не нужных обитателей уничтожить. Электричество давать всю ночь. Чистоту навести полную. С 1 февраля лично буду осматривать. Сами понимаете.

Ростовский-на-Дону градоначальник, полковник Греков»¹³.

— А в дураках, сударыня, я не бывал.

— Приняла.

— А в дураках, сударыня, я не бывал.

— Приняла.

— Сам, батюшка, родил, сам и виноват.

— Нет, матушка, не я ее родил. А ты ее родила, в том рассуждении, что я — пола мужеского и к рождению дитя не способен. Значит, ты и виновата...

— Записан-то он записан, да боязно: один сынок, а вдруг — возьмут его и убьют на войне.

— Ну, зачем же убивать? На это, сударыня, есть другие.

— Увы, графиня, вы не первая женщина, которую я узнал.

*Бегство из Одессы*¹⁴

Кончал 3-й акт пьесы¹⁵. Мар<ия> Сам<уиловна>¹⁶ вызвала Нат<ашу> на площадку. Я вышел — вижу взволнованные, но внешне спокойные лица... Французы сдают Одессу, мы уезжаем сегодня.

Началось, точно медленное раскручивание спирали, отчаяние. Вышли на улицу. Серьезные лица офицеров. Один стоит, держится за лоб. Много простонародья. Сдержанно веселы. Ближе к центру больше волнений и слухи. Слухи вырастают, прямо на улице, накручиваются, как ком, разбиваются.

Зашли к Цетлиным, простились. Все уезжают. Чувство одиночества, покинутости. Не могли спать ночь. Обреченные на голод, на унижение. Утром пошли в город. Цетлины еще не уехали, только в 5 ч. <уезжают>. Решаем ехать. Идем в Городской союз, там Фундом<инский> раздает паспорта¹⁷.

В 3 1/2 начинается частая стрельба по спекулянтам. Шарахается публика, бежит, возвращается. Появляется Наташа с детьми и вещами. Бунакова еще нет. Решаем остаться, говорят, по пути к порту убивают. Не можем разменять денег, появляется Бунаков. Мы едем.

В порту в ожидании катеров перед цепью офицеров. Горы багажа. Кражи. Доносится все время артиллерийская канонада.

Погрузка на катер. Пароход «Кавказ». Погрузка на него, корзины летят в воду. Размещение по трюмам; неожиданность — пароход будет стоять два дня. Начало слухов.

Пароход продолжает грузиться... [Еда из общего котла]. Уходим на внешний рейд. Все, как во сне. Неудобства почти не замечаются, состояние анестезии: слишком все неожиданно, хаотично, будущее страшно и непонятно. Слухи самые фантастические проникают и охватывают пароход, как чума.

На набережной при погрузке багажа — матрос с винтовкой на возу: «Дорогие мои, зачем бегите? Оставайтесь, всем хорошо будет». Черная, счастливая, широкая рожа.

Разговор вечером около котлов с вкрадчивым черным господином...¹⁸ Записная книжка члена Государственной думы... Триппер — рецепты. Хочет устроить витрину — портрет Чернышевского <...> флаги и записная книжка. В восторге от большевиков. Инфернальный¹⁹ контакт с ними. Чем хуже, тем лучше. 4-ый Интернационал²⁰.

Щегловитов²¹ 10 дней просидел около кухни вместе с женой и горничной. <...> Сосновский пьяный говорил, что только один есть способ управления — лупить нагайкой. «Сами виноваты — барин ходит с парнями по деревне и смеется над попом. А нужно снимать шляпу». Тайное собрание наверху в курительной²².

Рутенберг²³, похожий на Вия, Руднев²⁴, вместе с женой, пролежавший 10 дн<ей> в трюме. Бунаков²⁵, усиленно восхищающийся всем. Старый Шредер²⁶ в постоянной панике. «Я думаю, что пачнется избиение». И т. д.

Вечерня на палубе. Дождичек. Потом звездная ночь. На рее висит только что зарезанный бык. Архиепископ Анастасий в роскошных лиловых ризах, в панатике, служит и все время пальцами ощупывает горло, точно там его давит. Говорил слово... Мы без родины молимся в храме под звездным куполом. Мы возвращаемся к истоку св. Софии²⁷. Мы грешные и бездомные дети... Нам послано испытание...

Плакали, закрывались шляпами, с трудом, с болью...

Богачи и старые дамы, сидящие всю ночь на сундуках. Н, мечтающий заснуть на полу в аптеке. Вонь и смрад темных трюмов. Хвосты с утра повсюду.

Настроение погрома. Злоба и тупое равнодушие. Никто не сожалел о России. Никто не хотел продолжать борьбу. Некоторое даже восхищение большевиками. Определенная, открытая ненависть к умеренным социалистам, к Деникину.

Часовые повсюду, маленькие штабы, приказы... Во всех трюмах работают пишущие машинки. Под конец горы бумаг и разложение порядка.

Рассказ Лив<еровск>ого об казни гр. де Ля Фара²⁸. Бриллианты в коробке с ваксой. Вывезли на катере в море на пустую баржу. Просил не убивать, а утопить; связали, положили на доску, пустили в море. «Ликвидировали».

Свидание Лив<еровского> с Прилуковым, которому было поручено его убить, но он настоял на испытании и поручил Лив<еровскому> ликвидировать Ев. Гоша.

Бедный, гнусный доктор, который говорил: «Ах, оставьте эти пошлости, какие там идеи, главная сила — деньги». Теософка, спавшая около негра, чистившего на бачке картошку, и говорившая, что настает Царство св. Духа.

55 генералов, сидящих по трюмам и поминутно посылающих офицеров достать то-то и то-то. <...>

Константинополь. Вышел из трюма, раннее утро, из тумана четыре минарета и купол Софии. Древние стены у воды. Квадратная башня на мысу... Мечеть Сулеймана. Затем из тумана, тронутые розоватым солнцем, начали выступать прямоугольники домов Перы²⁹.

3 дня в карантине. Перегрузка на «Николай». Офицеры, которых выгоняют из трюма прикладами. Опять слухи и паника.

Зарезали последнего быка, и кровь широкой полосой, светло-алая в зеленой воде, разлилась вдоль борта парохода.

Лодочники и черные солдаты, отгоняющие их от парохода.

Константинополь видим от восхода до темноты, когда по тучам, по кораблям, по воде ползают лучи прожекторов; мигают лучи сигнализации, крутятся маяки. Горят огни в городе. У нас начались болезни.

Днем подходят и уходят изящные английские катера с изящными людьми.

Дезинфекция. Отъезд на Халки. *Пьянство на острове.*

Св. София. Солдаты в боковой галерее, казармы, отгороженные грязным пологом³⁰. Вверху своды в мозаике.

Первое чувство — потеря чувства пространства. Вселенная. Низкие люстры. Легкие старые колоннады, над колоннадами и купол, точно висящий в воздухе. Зеленые щиты начинают вертеться в глазах. Убожество и преходящесть Востока. Он прилеплен сбоку, в нем нет вечной, божественной формы — пестрота, заставляющая жмуриться восточные глаза от удовольствия, равного удовольствию от хорошей еды, сладости.

Мы с Наташей были в Софии. Мечеть Сулеймана — безобразие от непоминания пропорции и гармонии. Огромные колонны и гипсовые, раскрашенные васильками, цветочками, капители.

Базар. Сходство с Москвой. Токарный ряд. Старик-турок смычком крутит балясинку, придерживает стамеску большим пальцем ноги. Лудят посуду. Паяют.

Обед в греческом ресторанчике. Растерянный и грязный журналист, шатающийся по Стамбулу в смертельном ужасе предстоящей голодной смерти.

Мрачный, кровавый закат над Мраморным морем... Огоньки на островах. Шумные, беспокойные, беспечные русские. Сосредоточенные, печальные турки. Озабоченные греки.

Рассказ Власьева о нашем флоте. Гениальный математик А. Н. Крылов³¹. Мины. Плавание в шкерах. <...> Он защищал в морском деле пушку, а Власьев — мину.

Вода такая прозрачная, что лодки кажутся висящими в воздухе.

Наташа несла ободранного кролика. Встречные офицеры с испугом спрашивали: «Что, французы уже кошек стали выдавать?». Кошки назывались австралийскими кроликами.

Похороны на Халки. Толпа. Деревянные херувимы. Гнусавое пение. В плоском гробу несут покойницу, приподняв [верх<ю>] немного со стороны головы. Она в модной прическе, вся открытая, покачивает головой. Все это точно ненастоящее, и очень страшно. Ветер. Флаги³².

Рассказ Ливеровского

Казнь гр. де Ля Фара. Ночью. В дождь, на барке № 4. Ехали на пеноботе. Полная покорность. У рулевого вертится руль. Филька: «Руки, чай, у него скользят». «На нем перчатки». Заговорили о дожде отрывистыми фразами. Было страшно заговорить о другом.

Первый поднялся по трапу рабочий. Палач, не дожидаясь, пока он поднимется, выстрелил ему в голову, он покатился.

Филька, пока еще был на лодке, снял с себя крест, просил отослать по адресу. Когда же взошел на барку, сказал — это не я, начал бороться. Его пристрелили. Де ла Фар дожидался в пеноботе. Курил. Затем попросил, чтобы его не застреливали, а утопили. Его связали, положили на доску, пустили в море.

Филька — крестьянин, был рабочим. Во время революции разбойничал на Дону. <...> Блондин, с вьющимися откинутыми волосами. Зеленовато-серые, маленькие, умные глаза. Сухой рот, некрасивый. Рябоват. Подавая руку, поспешно кланяется.

Когда кончилась казнь (последний — де Ля Фар), франц<узский> палач крикнул: «Ecoutez donc, qui est là-bas?» — «C'est moi». — «Compte de la Fare est mort»³³.

К бегству из Одессы

Отчаяние было лишь тогда, когда думали, что остаемся. Тогда будущее казалось мраком.

Все неудобства и кошмары бегства переносились легко и весело. Люди стали вдруг выносливыми и бесконечно приспособляемыми.

Но все же воспоминания о 10 днях на «Кавказе» тяжелы, как воспоминания о чем-то точно очень дурном, неестественном, разрушительном, как болезнь.

Прогулка с Наташей кругом острова на осликах. Белые цветы. Сосны. Запах смолы, земли и моря. Ветер, шумящий в соснах. Пили кофе, заставили играть на шарманке.

Москаленко³⁴. Из очень хорошей семьи. Был в универ<ситете>. Воевал в мировой войне, был ранен. Поступил в корнил<овские> отряды. Человек, у которого «нет» — «нельзя». Говорит на воровском жаргоне. «Шнаер». «Закопался». «Подмоги по службе». «Профинтил».

Сам убил больше ста большевиков.

В Севастополе при немцах провоцировал, отслеживал и убивал боль<шевиков>.

Поднять рубашку и под сосок.

После боев и убийств он заболел. Не мог жить дома. Развелся с женой. 26 лет. Обе ноги изуродованы. Ходит с револьвером. Верный товарищ. С дамами — рыцарь. Случай с дамой в ресторане. Самолюбие. Подозвал лакея. (Петька). Велел приготовить даме счет. Отвернулся, курил.

Во время боя, лежа в окопе, время от времени окликал товарища. Тот поднимал руку. Когда же на оклик не поднял <руку>, он бросил винтовку. «Глядь, и пробегло пять верхоконных».

Ливень весь день. На квартире у Морского — журналисты в последнем отчаянии.

Посадка на «Карковаду». Желтая вода и сразу граница темно-голубая. Быстр^{ые} волны. Лодку относит течением. Лодка с вещами Руднева и др. разбилась в щепы. Турки на лодках погнались за плывущими чемоданами.

Выход из Дарданелл. Выкинутые на берег сгоревшие суда. Развалины укреплений. Скучный бурый берег. Солнце. Вода ярко-голубая с молочным отливом. Направо в Эгейском море темно-лиловые островерхие громады гор. Грозовые тучи над ними, цепляющиеся за вершины обрывки [грозовых] туч. Далее едва проступает гигантским профилем вторая гряда гор. Полосы дождя. Это Имброс. Кажется, будто из глубины тысячелетий возник невероятным призраком этот остров. Налево ярко-желтый, песчаный, плоский, островок.

Берег Малой Азии. Вдали уходящие, острые горные вершины Иды, <1 нрзб.> где снега.

На плоской равнине курганы Гектора и Патрокла.

Салоники. Гималаи, бурые горы, холмы, сбегające к морю. Город на склоне, остатки древних стен. Над выжженными кварталами — белые иглы минаретов.

Грязно-желтая вода залива.

Грузят уголь. Черные, в угле, греки; турки копошатся внизу. Вниз летят пустые кошелки.

Направо, когда выходим, весь в снегах и лиловых тучах — Олимп. Налево — из моря — туманная острая скала — Афон.

Острова архипелага. Крутые, каменистые, желтоватые. Покрываются низкорослым хвойным лесом. Голубые, зеркальные воды. На востоке грозовые тучи закрыли Олимп. Впереди — лиловатой, зубчатой стеной, легкой, как облака, — берег Фракии.

Жарко. Солдаты спят под лодками, играют в карты. Играют с детьми, с собачками. Много щенков. <...>

Рассказ Липошерстова ³⁶ об офицере, служив^{шем} в его полку начальником разведки. До войны переходил из одного учебного заведения в другое. Устраивал детские приюты. Неудовлетворен. Тихий, скромный. Истинное призвание его на войне. Храбрый, отважный, энергичный. Переправа через речку и взятие 3-х пулеметов. Штыком в зад.

Калабрия. Острые горы и громадные пустынные плоскогорья выше вершин. Городок у подножья острой скалы — разбойничье гнездо. Скалы лилово-серые. Налево в тумане Сицилия. Голубоватая громада Этны со скрытыми трещинами. Во мгlisto-солнечном небе курится, сбиваемый к востоку, дым из вершины.

Блуждаем всю ночь у берегов Сицилии. Нас берут на буксир.

Мессина. Весь город серовато-пыльный, весь в развалинах. Выше на крутых холмах развалины римских крепостей. Пыль и жара. Домики с одной тяжелой и высокой дверью, заменяющей окно. Там в прохладе и полутьме — кровать, девушка за машинкой. На

пороге черная старуха. Клетки с птицами. На улице дети, желтые козы. Грязь, запах чеснока, жасмина и жилья.

Апельсиновые кущи. Узкие улицы — ступенями. Закоулки. Запустение, беднота. Среди развалин — школьники с тетрадами. Тихая, запустелая, бедная, грустная жизнь. Беловатый камень и желтая, выжженная травка. Лимонное дерево. *Лимоны, как дома, в Москве, на чайной столе...*

Пастух гонит коз из дома в дом, где их доят. Вечером за городом мигающие поля огоньков — Италия, Реджио.

Из моря — гигантский, дымящийся белыми клубами конус Стромболи с разрушенной деревенькой у подножья. Неподалеку из моря торчит шип.

Неаполь. Солнечная дымка. Продавцы кораллов на лодках облепили пароход. Подъехал на своей лодке классически живописный нищий — старик. Над мглой горячей земли лежит разъятый громадой Везувий, с правой его вершины уходит белый, как облако, дым.

В море. Закат. В оранжевой пустыне опускается солнце. Длинные, тонкие полосы — облака. Выше — зеленоватое небо. *Солнце садится, багровеет, снизу вверх пробегают по нему красноватые тени.*

По морю от солнца по верхушкам волн, задевая только верхушки, скользит густой, как краска, багровый свет. Волна от парохода разбивает его, заливая лиловой водой.

На палубе появились два кочегара. Черные, распояской. Передний повторял: откусил палец, откусил палец, бежал по палубе, показывая солдатам откушенный палец. В возбуждении остановился, стащил сабо с ноги (другая была босая), швырнул его в море и опять побежал. Другой бежал за ним молча. На голой грязной спине его над лопаткой был виден кровавый желвак с грецкий орех, со следами зубов. Сейчас же за ними появились еще двое в желтых рубашках, один пронзительно, по-разбойничьи свистнул. Их окружили солдаты. Затем они сбежали по лестнице вниз. Немного спустя раздался гул голосов. Нам сказали, что они убили негра, поранившего их.

Зарезали быка. Потoki ярко-алой крови. За кормой плывут, вздувшись, розовые внутренности.

Содержательница публичного дома с двумя слезливыми болонками. Она везет трех девчонок — продавать в Марсель. Одна (бледная, с длинным лицом и золотым зубом) напилась, разделась. Солдаты до утра буйствовали с ней, подкидывали. Она истерически хохотала и выла. Ее заперли в карцер. По приезде в Марсель содержательница хотела ее бросить. Девушка у телеги с вещами, бледная и искаженная, истерически тихим голосом повторяла, что «завезли, устраивайте, а я не отстану». Через час ее встретили с матросом. Когда случился на пароходе скандал, содержательница притихла, сказала больно, стригла болонок, вела со своей наперстницей разговоры о бренности жизни³⁷. <...>

Париж. Елисейские поля. Пушки. Пустынно. Чувство нависшей катастрофы.

Париж. 1919 год

В Москве к дяде Сереже³⁸ пришел проситель из ночлежки. Разговаривая, закашлялся и плюнул себе в рукав.

У Стахеевых³⁹. Сидят, едят арбуз. Ругают ругательски французов <...>, хотят ехать в Россию, причем Россию тоже ругают. Одна из сестер от тоски выходит замуж.

После нашей революции попал в Пале-Рояль, там пусто, антикварные магазинчики, играют дети. На стуле, все так же, одной ногой, так и не взбежав, как зачарованный, стоит Камил Демулен⁴⁰. Вот тот первый <...>, с которого более ста лет бушует в Европе революция...

Праздник 14 июля⁴¹

Усталые, бесцельно идущие, точно оглушенные толпы. На Place Pigale балаганы, но не весело и не шумно. Иллюминация. Place Concorde. По всему небу голубоватые мечи прожекторов, фейерверк, дождь огней, змеи и молнии. Освещенный прожектором фонтан. На ступеньках и между колонн Палаты — толпа. По Сен-Жермен солдаты везут арбы с плошками и надписями. Идут сбоку, собирают деньги. Кое-где пляшут, но мало. В баре. Невесело, кто-то пытается острить. Безумное утомление во всем городе. В четвертом часу утра у Люксембургского сада — карусель.

Луна поднялась над тополем. Все небо было покрыто полосами барашковых облаков. Оно было точно пропахано плугом с севера на юг, — все полосатое; синие просветы и белые полосы, точно свернутые из взбитой шерсти. После этого настали жаркие дни.

Санди⁴²

На Халки. Встреча с мальчишкой в матросской рубашке — поэт Санди, из Харькова. Просил купить томик Вольтера — хочется понюхать кокаина. «Меня считают за большевика». Пошли на мостки (за лодками). Он лежал на животе, читал стихи: «Ну что, хорошо?» Читал Игоря Северянина. Все это насмешливо, издевательски. нюхал табак из тавлинки. Лгал. Лыстил и издевался. Перебивая сам себя, говорил, что завтра же разъяснит эту нелепость (взятый на подозрение. Выход до 7 вечера). Очевидно — это его мучило. Занял у Жихаревой 40 пиастров, пошел напротив в аптеку, купил кокаину, стал в дверях: «За ваше здоровье». Нюхнул: «Теперь иду обедать».

Через неделю его нашли задушенным около Семинарии.

(Большой кок с волосами, маленькие, темные, нагловатые глаза, клок густых, темных волос из-под козырька морской фуражки, грязной и лихо смятой).

Rue de la Toure⁴³

Ходишь весь день по Парижу, и весь словно пропитан золотистым зноем.

Вечер, бледно-оранжевый закат в конце улицы, между круто наклонными мансардами серых домов. Тишина. У дверей сидят уставшие за день люди, молча курят трубочки. Какая-то девушка медленно едет на велосипеде. В окне [первого] второго этажа перед большим качающимся зеркалом — барышня в пляпе и открытом платье, пудрит лицо. Сквозь окно первого этажа видно — под зажженной лампой обедает семья. Мужчина в помочах, в кепи откинулся и курит. Улица пуста.

Прогулка на пруды. Кругом на берегу — рыболовы. Тихая вода, в середине пруда синяя, у берегов зеленая. Солнце. Деревья, склоненные к воде. Мы садимся в беседку с соломенной крышей. Вдруг — крупный дождь. Пруд становится светло-серым. Рыбаки прячутся. Только два — три из них сидят, согнувшись, в резиновых плащах, над удочками.

Биржа. Страшные крики. Между колонн толпа, стоят на скамьях, на табуретках. Поднятые руки. Рука к затылку и вдруг в воздух. Видно, как мелом чертят на доске цифры. Среди этих воплей можно различить, как поднимается какая-то цифра. На ступенях каменной лестницы у колонн стоят несколько человек, спиной к толпе, равнодушно заложив руки за спину. Один копает в носу.

Осенние розы — без запаха.

Жаркий, безветренный вечер в Париже. В воздухе стоит тонкая пыль. Направо в узкой улице большая, еще несветящаяся луна. Дома, розоватые от заката.

Налево, в стороне Concorde⁴⁴ — зловещий, оранжево-красный закат. У земли совсем черный, дымящийся. Туда уходят автомобили.

С моста тусклый лилово-алый закат. Отражение в Сене моста с полукруглыми арками. Белые, зеленые, красные огни, как драгоценные камни, и длинные их отражения в воде.

Когда человек с удовольствием собирается поест и подали блюдо, он плотнее усаживается на стуле.

Нянька Марфа Ивановна уверена, что французы ее обкрадывают. Вместо monsieur — она говорит — мойсей. Прячет сахар в камин. Магазины зовет Мюры и Мирилизы.

Рассказ Туси

Раскольниковья легенда: будет лихое время, прольется много крови. Через семь лет кончится. Будет новая Россия, новый царь. Царь будет пожизненный⁴⁵. <...>

Знаменитая телеграмма Родзянко государю полна дерзости и ужаса⁴⁶. <...>

Берлин. Ноябрь 1921 г.

Рассказ С. Кузнецова⁴⁷. История актера. Был офицером запаса. Во время революции [поступил в театр] был выбран в Крыму в Советы. <...>

Рассказ о том, как он после спектакля (электр<ичество> тушилось тотчас же) пошел ночью, в гриме, упал в яму.

Рассказ Белого⁴⁸. Смоленский рынок. Дохлая собака, примерзшая. Магазин «Все для желудка». Пустые бутылки, пыль. <...>

Написал Яценко: «Прошу пока мне не писать, так как на небольшое время уезжаю на Северный полюс»⁴⁹.

Заседание Союза сценических деятелей. Скандал. «Что же, выберем члена, а он украдет. Надо выбирать лиц честных, уважаемых. Господа — записывайтесь... Лапподанилевская. Ленский...»⁵⁰. <...>

Выражения:

Сыпнотифозная постановка.

С дрянью в ногах.

Я им покажу, с какого конца спаржу едят.

Да, граф, ты прав — в сырости птички родятся.

Миздрой⁵¹. Закат. Тень на песке от волны. Большие волны проходят под самым солнцем. Солнце садится за воздушную гряду гор, в блаженную страну Азоро.

Вспомнить. В Париже, в пансионе Тикум автомат — накрытый, огромный, пыльный стол. Садятся зрители. Появляются пыльные, искусственные кушанья. Люди — голодные. Тоска. Пыльные лампочки. Мертвые фрукты... Крашенные пуляры и т. д.

*Петроград. 23 г.*⁵²

Митя сидит один в кабинете на кресле. На другом кресле лежит деревянный медведь.

— Ты что тут делаешь?

— Медведя боюсь.

¹ Эта и следующие две записи переписаны Толстым (в другой редакции) в записную книжку (1928 г.) с подготовительными материалами к роману «Девятнадцатый год» (ИМЛИ, ф. 43, н. п.).

² Дерибасовская — центральная улица в Одессе. Сюжет, связанный с «кафе Фанкони» в Одессе, подробно разработан в «Приключениях Невзорова...» (3, 442—475).

Вартовой — от «варта — гетманская милиция» (примеч. Толстого к «Похождениям Невзорова...» — 3, 451).

³ Де Лазари — среди жителей Одессы в списках на 1911—1914 гг. числится

только один де Лазари — Михаил Георгиевич, управляющий Русско-Азиатским банком. Однако его ли имеет в виду Толстой, установить не удалось. Эта фамилия упоминается в записной книжке Толстого, которую он вел во время поездки по Волге (1927 г.): «Лобач-Жученко и де Лазари» (ИМЛИ, ф. 43, н. п.).

⁴ Главатский — неустановленное лицо; в период, о котором идет речь, в Одессе проживало пять человек с такой фамилией.

⁵ Памятник, установленный в Одессе в 1827 г. на Николаевском (ныне Приморском) бульваре, в честь герцога Ришелье А.-Э дю Плесси, в 1805—1814 гг. занимавшего пост генерал-губернатора Новороссии. Памятник упоминается и обыгрывается в «Приключениях Невзорова...» (3; 442, 476).

⁶ Наташа — Н. В. Крандиевская; Французский (ныне Пролетарский) бульвар в Одессе.

⁷ Нина Павловна Кошиц (1894—1965) — оперная певица. В период пребывания Толстого в Одессе также находилась в этом городе, выступала с концертами (см.: *Бабореко А. И. А. Бунин*, с. 257). С 1921 г. жила за границей.

⁸ Клуб Меридионал в Одессе; упоминается в «Приключениях Невзорова...» (3, 462—269). «Дама, раскосая...» — упоминается там же, с. 462. Запись о даме переписана в записную книжку «18 год», содержащую подготовительные материалы к роману (см.: *Лит. наследство*, т. 74, с. 314).

⁹ И. И. Фундоминский (псевдоним Бунаков; 1881—1942) — левый эсер, в 1918 г. был представителем эсеров в контрреволюционном «Союзе возрождения России». Эмигрировал во Францию. Раскольников — неустановленное лицо. Сюжет, содержащийся в этой записи, использован в «Похождениях Невзорова...» (3, 472—473).

¹⁰ Салон известной московской меценатки Е. П. Носовой Толстой посещал, по свидетельству С. И. Дымшиц, довольно часто зимой 1912—1913 гг. (см.: *Воспоминания*, с. 72—73). В 1909—1914 гг. активным посетителем салона был и русский поэт и композитор М. А. Кузмин (1875—1936); его произведения (пантомимы, сцены и проч.) не раз разыгрывались здесь. Однако в данном случае речь идет скорее всего о напумевшем любительском спектакле по пьесе Кузмина «Венецианские безумцы», состоявшемся в этом салоне 8 марта (23 февраля) 1914 г., — представления в 2-х актах с пением, танцами, музыкой и пантомимой. Спектакль остался в памяти современников; см., напр., запись в дневнике К. А. Сомова от 8 марта 1914 г.: «Сегодня в Москве знаменитый спектакль у Носовых «Венецианские безумцы». Я и Аннета получили по приглашению, на билете акварель, виньетка Судейкина. Билет и афиша» (Константин Андреевич Сомов. Мир художника. Письма. Дневники. Суждения современников. М.: Искусство, 1979, с. 128).

Сам Кузмин отзывался об этом спектакле, правда, очень сдержанно: «Билеты на завтра взяли, хотя идти мне не хочется», — записал он в своем дневнике 23 февраля 1914 г. А 24 февраля отметил: «Успех был, но и шикали» (ЦГАЛИ, ф. 232, ед. хр. 56, л. 86, 87).

В 1915 г. пьеса вышла отдельным изданием (М.: Изд. А. М. Кожебаткина и В. В. Блинова).

«Описать... постановку пьесы Кузмина» Толстому в дальнейшем не пришлось; однако под впечатлением пьесы «Венецианские безумцы» в 1919 г. он задумал пьесу «Любовь — книга золотая».

¹¹ Юшкевич — неустановленное лицо.

¹² Этот сюжет более подробно изложен Толстым в Дневнике 1917—1936 гг.

¹³ Приказ с небольшими изменениями включен в «Похождения Невзорова...» (3, 446); изменения коснулись прежде всего адреса и даты: в повести речь идет не о Ростове-на-Дону 25 января 1919 г., а об Одессе первых чисел апреля 1918 г.; подписан «приказ» в повести не реальным «полковником Грековым», а «генерал-майором Талдыкиным». Еще более существенны те небольшие стилистические изменения, которые внес Толстой в текст документа; вторая фраза его в повести звучит так: «Поступает много жалоб на вас, некоторые завели не только клопов, но и крыс и даже тараканов...». Отсюда, очевидно, и возник рассказ о тараканах, сыгравших большую роль в судьбе главного героя повести.

«Полковник Греков» («генерал Греков», «градоначальник Греков») — личность, интересовавшая Толстого: в записную книжку, озаглавленную «К рома-

ну» (1927 г.) он переписал еще один «приказ», сходный по содержанию с комментируемой записью (см.: Лит. наследство, т. 74, с. 287); в другой, очевидно более поздней, записной книжке сделал пометку: «Генерал Греков, договор с ген(ералом) д'Ансельмом в январе 19 года...» (Там же, с. 291).

¹⁴ События, описываемые в этом разделе, произошли в начале апреля 1919 г.; в «Похождениях Невзорова...» названа более точная дата — 5—6 апреля, которую подтвердить удалось лишь косвенно: В. Н. Муромцева-Бунина, находившаяся вместе с И. А. Буниным в те дни в Одессе, записала в своем дневнике 21 марта (3 апреля) 1919 г.: «Цетлина опять уговаривает нас ехать. Сообщает, что Толстые эвакуируются. (...) Прощаемся с Толстыми, которые в два часа решили бежать отсюда, где им так и не удалось хорошо устроиться. Они будут пробираться в Париж (...)» (Цит. по кн.: *Бабореко А. И. А. Бунин*, с. 258—259). А 24 марта (6 апреля) она пометила в дневнике: «Суда еще на рейде» (Там же, с. 259).

В самом заглавии раздела заключен сатирический подтекст; именно так «бегство из Одессы» было изображено несколько позднее и в «Похождениях Невзорова...» (3, 474—478). Интересно обратить внимание на то, что художник констатирует не только свои переживания, но и реальные факты, детали совершающегося, и в первую очередь — контраст между поведением тех, кто «бежит», и тех, кто остается («Много престопаюдья. Сдержанно веселы»; «Черная, счастливая, широкая рожа» и т. д.). Это придает особую ценность записям, важным для понимания идейно-творческой эволюции писателя.

¹⁵ Имеется в виду пьеса «Любовь — книга золотая»; первые акты пьесы Толстой читал на литературных средах в городе (см.: Одесские новости, 1919, 26 марта).

¹⁶ Мария Самуиловна Цетлина, жена М. О. Цетлина (см. Дневник 1917—1936 гг. и примеч. 46 к нему).

¹⁷ Городской союз — исполнительный орган городского самоуправления (вместо Городской управы, упраздненной в феврале 1917 г.), весной 1919 г. в Одессе временно находился в руках французских властей; Фундоминский не занимал должности в Городском союзе, однако, как свидетельствует современница, был «хорош с французским командованием», что и позволяло ему «устраивать паспорта» отъезжавшим за границу русским (см. дневниковую запись В. Н. Муромцевой-Буниной от 21 марта (3 апреля) 1919 г. в кн.: *Бабореко А. И. А. Бунин*, с. 258).

¹⁸ Сюжет воспроизведен в «Похождениях Невзорова...» (3, 479—482).

¹⁹ Инфернальный — от лат. *inferno* (ад) — адский, чудовищный.

²⁰ О чем идет речь в этой записи, относящейся к апрелю 1919 г., установить трудно, так как троцкистское объединение, присвоившее себе название «4-й Интернационал», было образовано в Париже в 1938 г. Возможно, имеется в виду какое-то предполагаемое международное объединение на началах контрреволюционных и националистических, которое должно было быть противопоставлено учрежденному 2—6 марта 1919 г. в Москве 3-ему, Коммунистическому, Интернационалу.

²¹ Иван Григорьевич Щегловитов (1861—1918) — реакционный государственный деятель царской России, министр юстиции (1906—1915 гг.); в январе—феврале 1917 г. — председатель Государственного совета. Расстрелян по приговору ревтрибунала. В записи, очевидно, идет речь о рассказе, услышанном Толстым.

²² Сосновский — неустановленное лицо.

Заговор монархистов на пароходе «Кавказ» — одна из сюжетных линий «Похождений Невзорова...» (3, 480, 491).

²³ Петр Моисеевич Рутенберг (1878—1942) — эсер (партийная кличка Мартын), упоминается в «Похождениях Невзорова...» (3, 480—481).

²⁴ В. В. Руднев, эсер; Толстой был знаком с ним со времени Февральской революции 1917 г. (см.: *Воспоминания*, с. 104), встречался в Одессе — об этом есть запись в дневнике В. Н. Муромцевой-Буниной (см.: *Бабореко А. И. А. Бунин*, с. 256).

В Париже Руднев и Бунаков участвовали в издании белоэмигрантского журн. «Современные записки».

²⁵ См. примеч. 9.

²⁶ Возможно, А. А. Шрейдер, эсер.

²⁷ София — православный храм св. Софии в Константинополе, памятник византийской архитектуры VI в. н. э., в XV в., после завоевания Константинополя турками, превращенный в мечеть.

²⁸ Сюжет использован в «Похождениях Невзорова...» (3, 471—478). Ливеровский, Прилуков, рулевой Филька под своими именами изображены в повести (см. также запись «Рассказ Ливеровского»).

²⁹ Квадратная башня — очевидно, башня Кызулеси (Девичья башня), на острове близ азиатского берега Константинополя, которую можно видеть с европейского берега.

Мечеть Сулеймана (Сулеймание) в Константинополе построена в 1558 г.; один из шедевров восточной архитектуры. Пера (теперь Бейоглу) — торговобанковский центр Константинополя.

³⁰ Солдаты в храме св. Софии — реальный факт, связанный с поражением Турции, выступавшей на стороне Германии, в первой мировой войне; возвратившись домой, турецкие солдаты расквартировывались, где могли, в том числе и в мечетях.

³¹ Власьев — неустановленное лицо.

Алексей Николаевич Крылов (1863—1945) — академик, кораблестроитель, создатель первых русских линкоров.

³² Сюжет использован в рассказе «На острове Халки» (3, 298).

³³ «— Эй, слушай, кто там?

— Это я.

— Граф де Ля Фар мертв» (*франц.*).

³⁴ Запись трансформировалась в рассказах «В Париже (Настроения Н. Н. Бурова)» и «Древний путь».

Москаленко — в записной книжке Толстого, озаглавленной «19 год», в составленном им перечне архивных материалов, переданных редакцией «Истории гражданской войны», упоминается «Москаленко, № 70. Греческая оккупация в Херсоне» (Лит. наследство, т. 74, с. 291). Точных сведений о Москаленко найти не удалось.

³⁵ Впечатления пути по Средиземному морю из Константинополя в Марсель на пароходе «Карковадо» использованы в рассказах «Древний путь» и «На острове Халки».

Руднев — см. примеч. 24.

Морской — неустановленное лицо.

³⁶ Липошерстов — неустановленное лицо.

³⁷ Запись была использована в рассказе «Древний путь» (4, 142—148), содержание ее приводится в воспоминаниях Н. В. Крандиевской (Крандиевская, с. 170—179) и Ф. Ф. Крандиевского (Волькенштейна) (Крандиевский Ф. Рассказ об одном путешествии. — Звезда, 1981, № 1, с. 161).

³⁸ Дядя Сережа — С. А. Скирмунт, родственник Крандиевских; жил в Париже, помог семье Толстого получить разрешение на въезд во Францию (см.: Крестинский, с. 127).

³⁹ Возможно, Толстой имеет в виду художницу Елизавету Николаевну Стахееву-Кошковамову.

⁴⁰ Камиль Демулен (1760—1794) — деятель Великой Французской революции; одно из главных действующих лиц пьесы Толстого «Смерть Дантона» (1918).

⁴¹ 14 июля — день взятия Бастилии (1789 г.), ежегодно отмечаемый национальный праздник во Франции.

Place Pigale — Площадь Пигаль (*франц.*).

Place Concorde — Площадь Согласия (*франц.*).

⁴² На основе этого сюжета Толстым написан рассказ «На острове Халки». Санди — очевидно, начинающий поэт: публикаций его сочинений найти не удалось.

Жихарева — возможно, Елизавета Тимофеевна Жихарева (1875—1966) — актриса. После революции эмигрировала и до 1927 г. выступала за границей. Толстой был знаком с ней в 1916—1917 гг.: Жихарева играла в спектакле по его пьесе «Насатка» в Московском драматическом театре (бывш. Корш); неоднократно встречался и после возвращения на родину; об этом сохранились за-

писи в дневнике Л. Р. Когана за 1942—1943 гг. (ОР Гос. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 1035, ед. хр. 4, л. 22; ед. хр. 5, л. 32 об. и др.).

⁴³ Улица Латур (*франц.*).

⁴⁴ Площадь Согласия (*франц.*).

⁴⁵ Туся — Н. В. Крандиевская.

Запись вошла в рассказ Толстого «Первые террористы» (Вечерняя жизнь, 1918, 16 апр.: см. в сб.: Творчество А. Н. Толстого. М.: Изд-во МГУ, 1957, с. 217—218). Сходные рассуждения содержатся и в речах старца Валаама в рассказе «День Петра» (3, 103).

⁴⁶ Михаил Васильевич Родзянко (1859—1924) — в 1917 г. председатель IV Государственной думы, затем председатель контрреволюционного Временного комитета Государственной думы. Очевидно, имеется в виду телеграмма царю от 27 февраля 1917 г. (см.: Красный архив, 1927, т. 2(21), с. 6—7).

⁴⁷ Очевидно, Степан Леонидович Кузнецов (1879—1932) — актер. В 1917—1921 гг. выступал на сценах Харькова, Киева, Одессы, позднее был актером театра им. МГСПС в Москве, с 1925 — актер Малого театра. «Рассказ С. Кузнецова» Толстой мог слышать во время встречи с ним в Берлине в 1921—1922 гг., когда Кузнецов находился там на лечении (см. Дейч А. Степан Леонидович Кузнецов. М.; Л.: Искусство, 1947, с. 171).

⁴⁸ Очевидно, речь идет о встрече Толстого с Андреем Белым в Берлине в 1921 г., куда Андрей Белый приехал из Советской России на лечение.

⁴⁹ Речь идет о расхождении идейных позиций Толстого, принявшего решение вернуться на родину, со взглядами А. С. Яценко, старого знакомого писателя (см. Дневник 1911—1914 гг. и примечание 22 к нему), который не принял революцию и не изменил в дальнейшем своих взглядов (об этом можно судить по материалам выходивших в Париже журналов «Новая русская книга», «Грядущее», редактором которых был Яценко. См. также: Крестинский, с. 114). В более поздней дневниковой записи Толстого (1932 г.) комментируемая мысль выражена яснее: «Яценко проворонил Россию. Потому и обиделся, что почувствовал вдруг, что — нуль, личная смерть, а Россия — обоплаша без него» (Лит. наследство, т. 74, с. 330).

⁵⁰ Всероссийский союз сценических деятелей был организован в России в 1905 г., существовал до 1917 г. В данном случае Толстой, возможно, имеет в виду Союз русских драматических писателей и оперных композиторов, возникший в 1917 г., членом которого он состоял.

Комментируемая запись сделана скорее всего в августе—ноябре 1923 г., уже после возвращения Толстого на родину, поскольку 17 ноября 1923 г. он обратился в союз с заявлением «считать» его «выбывшим из состава членов» союза (ЦГАЛИ, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 28, л. 199). Спустя год он вступил в союз вновь (ЦГАЛИ, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 30, л. 319).

Мария Львовна Лапподанилевская — артистка. Ленский — неустановленное лицо. Обе фамилии упоминаются в записи явно иронически.

⁵¹ Миздрой — курортное место в Германии на берегу Балтийского моря, где Толстой с семьей жил с июня до начала сентября 1922 г. (Лит. наследство, т. 70, с. 399—401).

Страна Азоро — художественный образ, созданный, возможно, по ассоциации с Азорскими островами в Атлантическом океане; в Миздрое Толстой работал над научно-фантастическим романом «Аэлита», в котором этот образ воплотился. «Марсианин протянул руку в направлении туманной, чудесной дали и с длинной улыбкой сказал: — Азбара».

...Азора расстилалась широкой, сияющей равниной. Прорезанная полноводными каналами, покрытая оранжевыми кущами растительности, веселыми канареечными лугами, Азора, что означало — радость, походила на те цыплячи, весенние луга, которые вспоминаются во сне, в далеком детстве» (3, 581).

⁵² Этой записью заканчивается дневник: 1 августа 1923 г. Толстой с семьей возвратился на родину.